

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В то утро, одеваясь, я прокручивал в уме длинный список недомолвок и преувеличений, из которых будет состоять мой сегодняшний отчет. Мой отдел — отдел готовой продукции — в последнее время охватила настоящая лихорадка болезней и увольнений. Много ли наработаешь, если работать некому? Впрочем, мои оправдания едва ли будут интересны правлению.

Я протер щеки и подбородок мылом для бритья, затем сбрызнул стружкой пресной воды. Расточительство, конечно, но я исправно плачу налоги, а от соленой воды лицо чешется. Однако прежде чем я успел смыть последние следы пены, струйка иссякла. Тихонько чертыхнувшись, я включил соленую. В последнее время такое часто случается: говорят, проделки консов. В нью-йоркской корпорации водоснабжения регулярно проводят проверки лояльности, да только проку от них мало.

На несколько секунд мое внимание привлек новостной экран над зеркалом для бритья. Вчерашняя речь президента... ракета на Венеру — приземистый серебристый корпус среди песков Аризоны... беспорядки в Панаме... Затем радиочасы отбили четверть часа, и я выключил новости.

Похоже, на совещание я снова опоздаю. И правлению это вряд ли понравится.

Пять минут я сэкономил, натянув вчерашнюю рубашку вместо того, чтобы застегивать запонки на свежей, и оставив сок киснуть на столе. И пять минут потерял, пытаюсь дозвониться до Кэти. Увы, она так и не взяла трубку, и в офис я опоздал.

По счастью — и к большому моему удивлению — Фаулер Шокен тоже не пришел вовремя.

Шокен ввел за правило раз в неделю, за пятнадцать минут до начала рабочего дня, собирать совещание правления. Клерков и стенографисток это держит в тонусе, а самому Шокену никакого труда не составляет: он и так с утра на работе. А «утро» у него начинается с восходом солнца.

Однако сегодня я даже успел забежать к себе в кабинет и захватить подготовленные секретаршей сводки. Когда Фаулер Шокен вошел, вежливо извинившись за опоздание, я уже сидел на своем месте в конце стола: спокойный, в меру расслабленный, уверенный в себе, как и подобает члену правления «Фаулер Шокен ассошиэйтед».

— Доброе утро! — произнес Фаулер, и все одиннадцать членов правления ответили ему невнятным бормотанием.

Садиться Фаулер не стал. Должно быть, минуты полторы он стоял, глядя на нас с отеческой лаской. Затем обвел комнату таким восхищенным взглядом, словно попал в райский сад.

— Я думаю сейчас о нашем конференц-зале, — негромко и задумчиво проговорил он.

Все мы огляделись. Конференц-зал у нас не слишком большой, но и не маленький: обычный, десять на двенадцать, прохладный и хорошо освещенный. Но лучшее, что в нем есть, — конечно, обстановка. Рециркуляторы воздуха искусно скрыты за фризами, на полу мягкий пушистый ковер, а мебель — вся, до последней досочки — изготовлена из настоящего природного, сертифицированного дерева.

— У нас, друзья мои, отличный конференц-зал! — продолжал Фаулер Шокен. — Так и должно быть: ведь «Фаулер Шокен ассошиэйтед» — крупнейшее рекламное агентство в городе. Годовой оборот у нас на десять порядков больше, чем у любой другой фирмы. И... — тут он обвел нас выразительным взглядом, — думаю, вы согласитесь, что жаловаться на жизнь нам не приходится. Все, кто сидит сейчас за этим столом, живут в собственных квартирах не менее чем из двух комнат. Даже холостяки! — Тут он мне подмигнул. — Что до меня самого, то и мне грех жаловаться. Теплое время года я провожу на летней квартире, выходящей окнами на один из крупнейших парков Лонг-Айленда. Из дому выезжаю только на велокадиллаке. Нужда давно забыла дорогу в мой дом. Уверен, каждый из вас может сказать о себе то же самое.

Тут над столом взметнулась рука, и Фаулер кивнул:

— Да, Мэтью?

Мэтт Ранстед из отдела маркетинговых исследований. Пронырливый тип, вечно лезет вперед!..

— Просто хотел отметить, что с каждым словом мистера Шокена согласен целиком и полностью!

— Спасибо, Мэтью, — кивнул Фаулер Шокен.

Похоже, он действительно был растроган: прошло несколько секунд, прежде чем он заговорил снова:

— Все мы помним тот долгий путь, что привел нас сюда. Помним первый баланс треста «Старрзелиус», помним, как наносили на карту маршруты «Индиастрии». Первый трест планетарного масштаба! Целый материк, превращенный в единый производственный комплекс! И там, и там «Шокен ассошиэйтед» стали первопроходцами. Никто не скажет, что мы плыли по течению. Нет: мы прокладывали новые пути! И теперь хочу спросить у вас, джентльмены, — и надеюсь услышать искренний ответ: неужели теперь мы сдаем позиции?

Лес рук взметнулся вверх: помоги мне Боже, поднял руки и я. Фаулер испытующе вглядывался в наши лица. Затем кивнул человеку справа от себя:

— Бен, ты первый.

Бен Уинстон поднялся с места и заговорил звучным баритоном:

— Что касается отдела промышленной антропологии, то мы сдавать позиции не собираемся! Подробный отчет о нашей работе выйдет в сегодняшнем полуденном бюллетене, а пока расскажу вкратце. Согласно данным, полученным в полночь, все начальные школы к востоку от Миссисипи приняли наши рекомендации по составу школьных обедов. Соевые бургеры и восстановленное мясо... — при мысли о соевых бургерах и эрзац-мясе каждого из нас передернуло, — поставляются в контейнерах зеленого цвета, того же оттенка, что и упаковки продукции «Юниверсал». Однако конфеты, мороженое и детские сигаретки поступают в школы в красочных обертках с преобладанием красного, цвета «Старрзелиус». Когда эти дети вырастут... — Бен поднял глаза от своих заметок и торжественно закончил: — По нашим подсчетам, через пятнадцать лет, начиная с сегодняшнего дня, «Юниверсал» потерпит полный крах и ее продукция исчезнет с рынка!

Он сел под гром аплодисментов. Хлопал и Шокен, обводя нас сияющим взглядом. Я подался вперед и придал лицу Выражение Номер Один: энергия, решимость, готовность действовать. Однако не стоило трудиться: Шокен ткнул пальцем в соседа Уинстона, Харви Брюнера.

— Нет нужды объяснять вам, джентльмены, — начал Брюнер, надувая впалые щеки, — что у отдела психологии рекламы свои сложности. Могу поклясться, наше правительство битком набито консами! Знаете, что они устроили? Запретили использовать в звуковой рекламе ультразвуковые частоты, действующие на подсознание! Но мы их обошли: составили список слов-триггеров, привязанных ко всем основным трав-

мам и неврозам современного американца. Они послушались болванов, помешанных на безопасности, и запретили проецировать рекламу на окна велосипедов. Но и тут мы нанесли ответный удар! Из наших лабораторий сообщают, — Брюнер кивнул в сторону директора отдела науки, — что скоро начнутся испытания новой визуальной системы, способной проецировать рекламу непосредственно на сетчатку глаза! Причем это еще не все! Мы движемся вперед семимильными шагами. Как пример приведу нашу работу с напитком кофизэст...

Тут он замолчал, а затем спросил полупрошепотом:

— Извините, мистер Шокен, наша служба безопасности проверяла конференц-зал?

Фаулер Шокен кивнул:

— Здесь чисто. Ничего, кроме обычных «жучков» от Госдепартамента и Палаты представителей. И, разумеется, все они «пишут» заранее подготовленную нами запись.

— Так вот, кофизэст, — расслабившись, продолжал Харви. — Рекламные образцы распространяем в пятнадцати ключевых городах. Предложение обычное: запас кофизэста на тринадцать недель, тысячу долларов наличными и недельный отдых на Лигурийской Ривьере для всех участников. Но — и это, по моему скромному мнению, делает нашу кампанию поистине гениальной — в каждой порции кофизэста содержится три миллиграмма простого алкалоида. Здоровью не вредит, но создает зависимость. Десять недель употребления — и потребитель у нас на крючке до конца жизни! Лечение будет стоить не меньше пяти тысяч баксов, так что проще и дешевле перейти на кофизэст: три чашки за завтраком, три за обедом, три за ужином и кружечку перед сном.

Фаулер Шокен просиял, а я снова нацепил на лицо Выражение Номер Один. Следующей за Харви сидела Тильди Мэтикс, заведующая отделом копирайтинга, подобранная на эту должность самим Шоконом, однако женщинам Шокен на совещаниях слова не давал. А следом за Тильди сидел я.

Я уже составлял в уме первые фразы своего доклада, когда Фаулер Шокен с улыбкой покачал головой:

— Доклады всех отделов сегодня выслушивать не будем, мало времени. Главное, джентльмены, я получил ответ на свой вопрос — и этот ответ мне по душе. До сих пор вы смело встречали любой вызов. Верю, что не подведете и сейчас.

Он нажал кнопку на панели монитора и повернулся в своем вращающемся кресле. Свет в зале погас; проекция полотна Пикассо за спиной у Шокена поблекла, обнажив крапчатую поверхность экрана. На экране начало проступать другое изображение.

Эту картину я уже видел сегодня — утром, в новостях, над зеркалом для бритья.

Тысячефутовый монстр, уродливый отпрыск стройных «Фау-2» и приземистых лунных ракет прошлого: космический корабль для отправки на Венеру. Вокруг него высились стальные и алюминиевые леса: по ним ползали крохотные фигурки, и в руках у них вспыхивали совсем крошечные голубовато-белые огоньки сварочных аппаратов. Очевидно, мы смотрели запись: так выглядела ракета несколько недель назад. Сейчас, судя по новостям, она была вполне закончена и готова к полету.

— Этот корабль понесет человечество к звездам! — торжественно, но не слишком точно сообщил громоподобный голос из динамиков.

Бесплотный голос я узнал: он принадлежал диктору из отдела звуковых эффектов. Да и происхождение текста опознавалось безошибочно. Вечно Тильди Мэтис набирает к себе в отдел безграмотных девиц, не способных отличить планету от звезды!

— Современный Колумб поведет этот корабль через океан пустоты, — продолжал диктор. — Шесть с половиной миллионов тонн стали и укрощенных молний: ковчег для восемнадцати сотен мужчин и женщин, готовых сделать

новый мир своим домом. Кто же решится на это? Кто те счастливые первопроходцы, кому предстоит сделать плодородные земли нового мира своим владением? Знакомьтесь: супружеская чета, двое бесстрашных...

Диктор вещал дальше, а ракета на экране поблекла, уступив место просторному жилому отсеку в пригороде. Раннее утро. Отец убирает в стену кровать и складывает ширму, отгораживающую детскую, мать раздвигает стол и набирает на пищевом автомате код завтрака. За соком и детской кашей (и, разумеется, перед тремя дымящимися чашками кофеэста на первом плане) семья говорит о том, как смело и мудро они поступили, взяв билеты на Венеру. И под заключительный вопрос младшенького: «Мама, мама, а когда я вырасту, мы с моими маленькими сыночками и доченьками тоже полетим на Венеру?» — трогательная семейная сцена сменяется впечатляющими панорамными снимками Венеры будущего, тех далеких лет, когда вырастет этот малыш: изумрудные долины, хрустальные озера, белоснежные горные вершины.

Того, что на Венере нет воды, что ее атмосфера непригодна для дыхания, что от зеленых долин и горных озер первопроходцев отделяют десятилетия жизни в герметически закрытых клетушках и на гидропонике, диктор не отрицал, но особенно на этом не задерживался.

С началом ролика я инстинктивно нажал на часах кнопку таймера. Когда ролик закончился, взглянул на циферблат: девять минут! В три раза дольше, чем разрешено законом, — и на одну минуту дольше наших обычных рекламных роликов.

Лишь после того, как зажегся свет, все потянулись за сигаретами, а Фаулер Шокен снова заговорил, я начал понимать, как такое стало возможно.

Свою новую речь Фаулер начал, как принято в нашем деле — издалека. Заговорил об истории рекламного бизнеса, о том, какой долгий путь прошла реклама: от простых, написанных от руки объявлений о продаже готовых товаров до

нынешних рекламных империй, тех, что создают новые области производства и переделывают мир под свои коммерческие нужды. Снова упомянул и о славном пути нашей компании, «Фаулер Шокен ассошиэйтед». И наконец сказал:

— Джентльмены, есть старинное изречение: «Пусть устрицей мне будет этот мир!»* Так вот, мы съели эту устрицу. Да, съели, — повторил он, старательно гася окурок в пепельнице. — Мы покорили весь мир — буквально, и теперь, подобно Александру Македонскому, скорбим о том, что нет иных миров, чтобы завоевать и их. А здесь, — Шокен махнул рукой в сторону экрана у себя за спиной, — здесь раскинулся перед нами первый из этих новых миров!

Вы уже, наверное, поняли, что я терпеть не могу Мэтта Ранстеда. Мерзкий проныра, всюду сует свой нос. Подозреваю, что он расставил «жучки» даже у нас в компании. И, должно быть, о проекте «Венера» узнал заблаговременно — трудно поверить, что его патетическая речь была порождена приливом вдохновения. Мы все еще переваривали слова Фаулера Шокена, а Ранстед уже вскочил на ноги.

— Джентльмены, — вскричал он, — это поистине гениальный замысел! Не просто Индия, не просто новый континент — нет, целая планета на продажу! Приветствую вас, Фаулер Шокен — Клайв**, Боливар***, Джон Джекоб Астор**** нового мира!

* Слова разбойника Пистоля из комедии У. Шекспира «Виндзорские насмешницы» (*прим. пер.*).

** Роберт Клайв (1725–1774) — английский генерал, утвердивший господство Британской Ост-Индской компании в Индии (*прим. пер.*).

*** Симон Боливар (1783–1830) — руководитель Войны за независимость испанских колоний в Южной Америке, национальный герой Венесуэлы (*прим. пер.*).

**** Джон Джекоб Астор (1763–1848) — первый американский мультимиллионер, основатель клана Асторов, внесший существенный вклад в освоение территории США (*прим. пер.*).

Как я и сказал, Мэтт успел первым, но за ним и все мы вскочили на ноги, восклицая примерно то же самое.

Вскочил и я. Ничего сложного, если тренируешься много лет. Кэти никогда этого не понимала, а я объяснял ей шутя, что это что-то типа религиозного ритуала: вроде как разбить о борт корабля бутылку шампанского или принести в жертву девственницу, чтобы посева лучше росли. Впрочем, даже в шутках я старался не заходить слишком далеко. Вряд ли кто-нибудь из нас (быть может, кроме Мэтта Ранстеда) согласился бы подсаживать людей на наркотик только ради наживы. Но сейчас, гипнотизируя друг друга собственными возгласами, все мы чувствовали, что в самом деле готовы на любую жертву ради Святых Продаж.

Не поймите меня превратно: мы не преступники. Харви же пояснил, что алкалоиды в кофеэсте совершенно безвредны!

Когда все высказались, Фаулер Шокен нажал другую кнопку и показал нам план работы — обстоятельно, пункт за пунктом. Листал перед нами таблицы, графики, диаграммы, поступающие в ведение нового отдела «Фаулер Шокен ассошиэйтед» — отдела, который будет заниматься освоением и эксплуатацией Венеры. Рассказал о долгих переговорах с сенаторами, о закулисных сделках, давших нам эксклюзивное право на богатства планеты, — тут я начал понимать, почему он рассчитывает выйти сухим из воды с девятиминутной рекламой. Объяснил, что правительство (кстати, странно, что мы по-прежнему думаем и говорим об этой бирже сделок и взаимных услуг как об отдельном институте, наделенном собственной волей) хочет видеть Венеру американской планетой и обращается ради этого к истинно американскому искусству — рекламе. Своим энтузиазмом Шокен заразил и нас. Я слушал и завидовал тому счастливицу, что возглавит отдел Венеры: такой работой любой из нас мог бы только гордиться.